

Мы ждем вас в университете!

Через два дня в университетские аудитории, лаборатории, кабинеты войдут студенты, отдохнувшие за лето юности и девушки — наши студенты, будущие специалисты страны Советов. Московский орден Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова вступит в свой новый 1950/51 учебный год.

Это будет последний год работы наших естественно-научных факультетов в старом здании на Моховой. И, может быть, поэтому нам впервые покажутся тесными привычные аудитории, лаборатории и кабинеты. Тесен стал университет! Все чаще студенты, профессора, преподаватели, аспиранты будут выдвигаться в сторону юго-запада Москвы, где на Ленинских горах строится возводившийся грандиозный комплекс высших учебных заведений.

Ленинские горы видны из многих районов Москвы, с набережных и мостов. Это — самое высокое, одно из красивейших мест столицы, которым всегда гордились москвичи. И уже одно то, что именно это место отдано новому университету, свидетельствует о почетном положении науки в социалистическом обществе. Зримым воплощением великой сталинской заботы о процветании самой передовой в мире советской науки входит в жизнь университет на Ленинских горах.

Сейчас уже легко можно себе представить, каким будет чудесный дворец культуры, науки, знаний, который вырастет у впадины Москвы-реки — новый Московский университет.

Он займет площадь в 127 гектаров. Его центральное здание поднимается к северу на 208 метров. Общей объем всех университетских помещений достигнет более двух миллионов кубометров. Крупнейшее научное учреждение мира!

Все эти цифры мы сообщали для того, чтобы показать масштабы развернувшегося строительства. Но нас, ученых, прежде всего волнует иное: на Ленинских горах создаются все условия для плодотворных учебных занятий и углубленной научной деятельности. Такие условия, о каких и мечтать не могли ученые никогда, ни в одной стране.

Все лучшее, что известно современной науке во всех ее отраслях, страна щедро дает своему университету. Мы получим здесь: астрономическую обсерваторию; гидрологическую и метеорологическую станции; мощные аэродинамические трубы; грандиозный комплексный музей земледелия, который разместится в пяти этажах; фундаментальную библиотеку на 1.200.000 томов; агроботанический сад на площади в 32 гектара с оранжереями, теплицами, аквариумами, вивариями, десятками лабораторий, оснащенных новейшей аппаратурой... Достаточно сказать, что около сорока процентов всего оборудования университета будет специально осваиваться нашей промышленностью, производиться впервые.

Уже сегодня нам приходится все чаще думать о том, кому вручить управление сложнейшей аппаратурой, который будет оснащен университет. Именно в этом направлении мы повернули с прошлого года работу нашей аспирантуры.

Всем своим устройством университет знаменует величайший переворот, произведенный в науке социалистическим обществом. Наука служит народу, народ создает все предпосылки для подлинного процветания науки. Это волнует нас, об этом мы говорим на своих собраниях, на заседаниях Ученого совета, в переписках между кафедрами.

Великий раз, приезжая на строительную площадку, поражаешься быстрому росту зданий университета. Электросварщики трудятся уже на двадцать шестом этаже, следом за ними движутся вверх арматурщики и бетонщики, на шестнадцатом этаже работают каменщики, ниже — штукатуры и плиточники.

«До конца стройки осталось четыреста девяносто дней!» — гласит сегодня плакат строителей. И мы знаем, что через 490 дней в конце 1951 года университет гостеприимно распахнет перед нами свои двери. Мы не знаем, какого гигантского масштаба. Но мир не знает и таких строителей!

Перед входом в университет на Моховой установлен памятник его великому основателю — Михаилу Васильевичу Ломоносову. Суровой зимой 1730 года отправился этот человек — сын крестьянина-помора из деревни Денисовки — в далекую Москву учиться. Имя Ломоносова всегда напоминает нам о величайших достижениях русской

науки. Имя Ломоносова напоминает нам и о другом — о великой тяге русского народа к знаниям, свету, о неиссякаемом таланте нашего народа.

Ныне в Москву пришли десятки тысяч юной и девушки — из Архангельска и Рыбинска, из Смоленщины и Белоруссии, с Украины и Кавказа, из Сибири и Средней Азии. Молодые патриоты, прославившие, что наше правительство по инициативе товарища Сталина приняло решение о строительстве Дворца науки на Ленинских горах, двинулись в дальний путь, чтобы принять участие в этой благородной стройке. И сотни из этих молодых людей — детей крестьян и рабочих — принесли сюда сокровенную ломоносовскую мету: учиться в университете. Учиться в университете, выстроившем своими же руками!

Вот Владимир Лебедев, москвич, бригадир комсомольско-молодежной бригады электросварщиков. В нынешнем году он успешно перешел в десятый класс вечерней школы рабочей молодежи. В будущем году он закончит строить университет и одновременно закончит среднюю школу. И молодой гранитчик из Армении Мурат Бадаляян. Недавно мы познакомилась с ним во время приемных экзаменов: он поступил на заочное отделение университета. Этот юноша и славившиеся экзамены вместе с Антоном Луконским и Лилией Горюковой, закончившей техникум, смогут перейти прямо на второй курс университета. Гранитчица Аня Шеленало с Киевщины, рабочий-фронтонщик Иван Богомолов из далекого Фрунзе, слесарь Павла Пшурова из Ленинградской области...

Эти бетонщики и сварщики, слесари и монтеры, гранитчики в штукатурки росли в сталинскую эпоху. Еще за пять, за шесть лет до их рождения прозвучал пламенный ленинский призыв: учиться, учиться и учиться! Они лишь вступили в жизнь, когда Сталин сказал: «Перед нами стоит крестность. Называется она, эта крестность, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крестность мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крестность должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной смельчачкой старой гвардии».

С каждой неделей, со стремлением учиться росла эта молодежь. С этим стремлением сотни юной и девушки пришли на стройку Дворца науки на Ленинских горах. Есть среди них гранитчики, которые ставят колышки в большом актовом зале, где через шесть лет им же будут вручать дипломы об окончании университета; есть монтеры, которые кинофицируют аудитории, чтобы им же легче было учиться в своем университете; есть волеводчики, которые снашивают трубки змийный барсетки, чтобы в будущем заниматься спортом после лекций. Многие из этих молодых рабочих строят университет для самих себя — в самом прямом смысле этого слова.

Желаю всемерно поддержать их благородное стремление к знаниям, коллектив Московского государственного университета должен взять шефство над учащейся молодежью страны. Половина всех комсомольцев, строящих университет, имеют законченное среднее и неполное среднее образование. Двести пятьдесят юной и девушки учатся сегодня в вечерней школе рабочей молодежи, организованной на Ленинских горах. Мы будем следить за их учебой.

Мы поможем вечерней школе строителей лучше оборудовать ее физический, химический, биологический кабинеты, организовать школьную библиотеку. Наша кафедра педагогика возьмет методическое шефство над преподаванием. С большим подъемом лекции выступят перед строителями ведущие ученые университета. Одновременно мы будем приглашать молодежь строители в наши лаборатории и кабинеты. В случае необходимости мы будем персонально прикреплять к неуспевающим учащимся репетиторов из числа студентов-отличников. Наши комсомольцы — студенты, аспиранты, молодые ученые — будут непосредственно помогать строителям в их учебе.

Мы обращаемся к многотысячному коллективу славного Московского университета: активнее участвуйте в шефстве над молодежью, стройшей Дворец науки на Ленинских горах! Пусть через 490 дней лучшие из молодых рабочих перейдут со строительства к нам в университет.

Мы обращаемся к молодежи строители. Учитесь, овладейте знаниями, наши юные друзья! Учитесь так, как призывает вас учиться великий друг молодежи Сталин, — учитеесь упорно, терпеливо. Не бойтесь трудностей. Помните, мы ждем вас в университете, товарищи!

Акад. А. НЕСМЕЯНОВ,
ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Проф. Г. ВОВЧЕНКО,
проректор университета
С. АНДРЕЕНКО,
заместитель секретаря парткома университета
Ю. РАЧИНСКИЙ,
секретарь комитета ВЛКСМ университета
В. ЗУБОВ,
председатель профкома университета

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 75 (2666)

Вторник, 29 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

О мастерстве лектора

«...ораторское искусство — это, товарищи, самое трудное искусство...»

М. И. Калинин

В. КУКИНОВА

Через несколько дней начало нового учебного года. Этого дня с нетерпением ждали советские студенты. К нему деятельно готовились преподаватели. Многие из них представляют на вузовских кафедрах общественные науки: философию и логику, историю и политическую экономию, педагогику, психологию, литературоведение. На разных факультетах изучаются эти науки. Но есть один предмет, который читается во всех без исключения советских вузах и техникумах. Это — основы марксизма-ленинизма. Преподаватели этого предмета воспитывают нашу молодежь в боевом духе большинства партийности, формируют ее коммунистическое мировоззрение. Они вооружают будущих советских специалистов марксистско-ленинской методологией познания и преобразования действительности. Они развивают и культивируют советский патриотизм.

Преподавание основ марксизма-ленинизма, — как справедливо замечал один из лучших мастеров большевистской пропаганды М. И. Калинин, — это самое интересное и наиболее благодарное преподавание. «Какой предмет можно argue всего расширить в лекциях и на семинарских занятиях с молодежью?» — говорил Михаил Иванович. — «Все жизнь, все науки, искусства, литература, все прошлое, настоящее и даже будущее человечества — все это к вашим услугам в качестве богатейшего арсенала самых ярких, увлекательных, наглядных и убедительных иллюстраций основ марксизма-ленинизма».

Преподаватели основ марксизма-ленинизма отлично знают, что они будут разрабатывать студенчеству. Но все ли из них понимают, как это делать, в какой форме, в каком языке? Учебный год еще не начался. Первые лекции еще не прочитаны. Однако, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, вовсе не обязательно дожидаться звонка, зовущего в аудитории. Многие лекции, читанные в истекшем учебном году, заслуживают в самом прямом смысле этого слова.

Желаю всемерно поддержать их благородное стремление к знаниям, коллектив Московского государственного университета должен взять шефство над учащейся молодежью страны. Половина всех комсомольцев, строящих университет, имеют законченное среднее и неполное среднее образование. Двести пятьдесят юной и девушки учатся сегодня в вечерней школе рабочей молодежи, организованной на Ленинских горах. Мы будем следить за их учебой.

Мы поможем вечерней школе строителей лучше оборудовать ее физический, химический, биологический кабинеты, организовать школьную библиотеку. Наша кафедра педагогика возьмет методическое шефство над преподаванием. С большим подъемом лекции выступят перед строителями ведущие ученые университета. Одновременно мы будем приглашать молодежь строители в наши лаборатории и кабинеты. В случае необходимости мы будем персонально прикреплять к неуспевающим учащимся репетиторов из числа студентов-отличников. Наши комсомольцы — студенты, аспиранты, молодые ученые — будут непосредственно помогать строителям в их учебе.

Мы обращаемся к многотысячному коллективу славного Московского университета: активнее участвуйте в шефстве над молодежью, стройшей Дворец науки на Ленинских горах! Пусть через 490 дней лучшие из молодых рабочих перейдут со строительства к нам в университет.

Мы обращаемся к молодежи строители. Учитесь, овладейте знаниями, наши юные друзья! Учитесь так, как призывает вас учиться великий друг молодежи Сталин, — учитеесь упорно, терпеливо. Не бойтесь трудностей. Помните, мы ждем вас в университете, товарищи!

Акад. А. НЕСМЕЯНОВ,
ректор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Проф. Г. ВОВЧЕНКО,
проректор университета
С. АНДРЕЕНКО,
заместитель секретаря парткома университета
Ю. РАЧИНСКИЙ,
секретарь комитета ВЛКСМ университета
В. ЗУБОВ,
председатель профкома университета

Все без единого исключения просмотренные нами лекции прежде всего неправильно методически построены. Вместо того чтобы служить руководством для последующей работы студентов, эти лекции, по существу, подменяют их самостоятельный труд. Вместо того чтобы четко и ясно охарактеризовать главное в изучаемой теме, указать студентам источники, разъяснить наиболее сложные теоретические вопросы, лекторы занимаются пересказом. В таких лекциях нередко преобладают цитаты в самой разнообразной форме, в кавычках и без них, полностью и в отрывках, подчас в таком количестве, будто лектор заранее не надеется на то, что студенты прочитают сами источники.

Однако непереносимое обилие цитат — наиболее распространенный, но далеко не единственный недостаток рассматриваемых лекций. Их авторы, вопреки совету М. И. Калинина, не обращаются за яркими, увлекательными, наглядными и убедительными иллюстрациями ни к прошлому, ни к настоящему, ни к будущему. Пытаясь (и то далеко не всегда) связать рассматриваемый в лекции исторический или теоретический материал с современностью, они ограничиваются, как правило, лишь белыми и поверхностными упоминаниями тех или иных злободневных событий, не анализируя и не обобщая их. Так, к примеру, характеризуя в самой общей форме международную обстановку накануне второй мировой войны, доцент Московского института востоковедения тов. Милюков не использует материал лекции для того, чтобы разоблачить подлинные мотивы мировой войны — американско-английских агрессоров и их пособников, ориентировать студентов-востоковедов в нынешней международной обстановке, в тех, новых исторических процессах, которые происходят сейчас в странах, которые

неумение связать изучаемый материал с современностью, недостаточная публицистичность лекций — такова вторая причина их академической (в другом смысле этого слова) вялости.

Причина третья, неразрывно связанная со второй, — академическая безразличность многих лекций. Доцент Киевского сельскохозяйственного института тов. Маслов излагает в своей лекции позицию троцкистов по ряду важнейших вопросов социалистического строительства и внутрипартийной (у лектора почему-то «межпартийной») жизни. Однако от этой предательской, антинародной, контрреволюционной позиции он говорит безразлично, как ладнопровный летописец, а не историк-большевик.

Четвертой причиной губительной неинтересности многих лекций следует признать их абстрактно-догматический характер. Лекторы не умеют привлекать жизненные и исторические примеры, особенно близкие данной студенческой аудитории.

Свою лекцию на тему «Партия Ленина — Сталина» вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне тов. Фелотов прочитал в Среднеазиатском политическом институте, в стенах которого готовятся кадры прежде всего для союзных республик Средней Азии. Какой интересной стала бы ее лекция, насколько повысилась бы ее воспитательная роль, если бы лектор, рассказывая о деятельности большевистской партии в годы Великой Отечественной войны, привлек наглядные и поучительные примеры из опыта большевиков Узбекистана, Туркмени, Таджикистана.

Лекция тов. Вартаган прочитана в Тбилиском государственном медицинском институте. Рассказывая о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России, лектор говорит и о Поволжье, и об Урале, и о Сибири, и о Северном Кавказе, и о Донбассе, и о Прибалтике, и о Белоруссии... Только о Грузии ничего не сказал лектор. А разве не следовало ему рассказать молодежи о героической борьбе грузинского большевистского подполья тех лет? Разве не должен был он замечать, что в Грузии буржуазные националисты, презренные грузинские меньшевики — социал-предатели, задержавшие победу социалистической революции в Грузии?

Столь же сухо прочитана лекция на аналогичную тему старший преподаватель Северо-Осетинского сельскохозяйственного института тов. Демезер. О многом лектор совсем не сказал; о многом рассказал бегом и поверхностно. Только однажды тов. Демезер попытался оживить изложение. Описывая расстрел знаменитой польской демонстрации, лектор заявил: «Я, как участник этой демонстрации, могу подтвердить, что демонстрация носила мирный характер. В частности, наш полк выступил без оружия, во главе с оркестром, с лозунгами. Когда мы подошли к Садовой улице по Невскому проспекту, казаки по нас открыли огонь, и были убиты и ранены».

Как очевидец и участник исторических событий лектор мог увлекательно рассказать о них студентам, воскресить неповторимую живую атмосферу знали. Его суховатая справка даже и не претендует на такой рассказ. Впрочем, лектора трудно упрекнуть за это, ибо на него весьма сурово обрушился рецензент Министерства высшего образования. По отзыву этого рецензента, «лектор не постеснялся привести в лекции свои воспоминания об польских днях... На наш взгляд, лектор не имеет скромности, а он должен иметь...»

«Воспоминания» тов. Демезер можно (и должно) упрекнуть за сухость, невыразительность, поверхностность, явную неадекватность форм... Но при чем же здесь нескромность? Если воспоминания будут научно-исторически точны и достоверны, если они посвящены главному и типичному, если они (даже отдаленно) не похищают саморекламой, их вовсе не следует подвергать административному запрету.

Нет ни одного пропагандистского выступления Ленина и Сталина, в котором не были бы мастерски применены художественные образы, созданные писателями-классиками и современниками. Почему же так мало художественных иллюстраций в рассматриваемых лекциях? Только в двух из десяти (у тов. Маслова и Фелотова) обнаружили мы белгие ссылки на литературные произведения. Два лектора из десяти!

Почему повествование своих лекций не завершенным днем октября тов. Вартаган, Демезер и, конечно, многие не названные нами здесь лекторы других учебных заведений не обратились к такому замечательному поэтическому памятнику тем дням, как бессмертная поэма Маяковского «Хорошо!», этой повести «Октябрьской поэме»? Конечно, учебную лекцию не следует превращать в прозаичный литературный монтаж. Крайности, как известно, хороши ни в чем. Но пошло и игнорирование художественной литературы при подготовке лекции неопровержимо свидетельствует о недостаточном пропагандистском мастерстве лектора, о его нежелании (или неумении!) работать над формой своего выступления...

Заключительный раздел лекции преподавателя Уральского университета тов. Быстрых — единственной собственно философской лекции среди рассматриваемых нами — посвящен борьбе между новым и старым в нашей советской культуре. Характеризуя эту борьбу, лектор, привлекая цитаты, а затем ограничиваясь абстрактными

умозрительными рассуждениями. Несколько увлекательнее и поучительнее стала бы его лекция, если бы он рассмотрел конфликт между новым и старым хотя бы на двух-трех наиболее примечательных примерах, взятых из жизни или отображенных в произведениях советских писателей!

От преподавателя философии нельзя требовать профессионального литературного мастерства. Но вдумчивый преподаватель не уступит никакому литературному критику в философском осмыслении произведений искусства и сущности отраженного в нем жизненного конфликта.

Многие авторы рассматриваемых нами лекций плохо владеют русским литературным языком.

«Из Персии и Афганистана английский правительство требовало, чтобы удалили советских представителей», — сообщает, к примеру, уже упомянутый выше тов. Маслов. Не сразу разберешься, в чем тут дело. Уже не в том ли, что английское правительство тех лет почему-то обосновало в Персии и Афганистане, откуда и предъявляло свои требования?

Так стилистическая неряшливость неоправданно приводит к политической неряшливости формулировок, и язык мстит за небрежное отношение к его законам.

Обедняя русский язык, лектор в то же время его безжалостно коверкает. Он два-три раза говорит «сыграла значение» вместо «имела значение» и т. д.

Путанные мысли, как известно, неизменно выражаются путанным языком, но и путанный язык, в свою очередь, неизбежно приводит к идейной путанице. Ведь, если лектор не работает над своим языком, он, следовательно, не продумывает, не оттачивает и свои формулировки. И действительно, тов. Маслов высказывает совершенно нелепое утверждение, заявляя, что в годы Великой Отечественной войны большевистская партия показала «свое превосходство перед капиталистическим строем и в военном отношении». Сопоставив партию большевиков с капиталистическим строем, лектор явно забыл об отмеченном Лениным основном правиле сравнения, которое объясняет, «чтобы сравнимые явления были однородны».

И такую-то путаную и неряшливую лекцию рецензент Министерства высшего образования кандидат исторических наук тов. Уваров спокойно и безмятежно объявляет вполне удовлетворяющей требованиям высшей школы. Рецензент, правда, отмечает, что лектор «не реагировал на разговоры студентов», но усматривает, видимо, в этом лишь его, так сказать, административное упущение, а не иные неизменно более существенные недостатки...

Впрочем, будем справедливы — тов. Маслов отнюдь не представляет собой исключение. Путанные, ошибочные формулировки немало и в лекции преподавателя Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта тов. Меркуляева, переименованного демократической революцией в «социал-демократическую», и т. д. и т. п. Неточен в своих формулировках и тов. Демезер. Временное правительство министров-капиталистов и социал-оборонен он называет «временным революционным и правительством».

Во всех этих случаях небрежение лекторов формой роковым образом сказывается на содержании их лекций!

Министр высшего образования СССР тов. Каганов еще в прошлом году писал, что, к сожалению, имеется немало примеров, «когда немало подготовленные в теоретическом отношении преподаватели читают лекции сухо и вяло». Мы полностью разделяем сожаление товарища министра, но не можем согласиться с его положительной оценкой теоретической подготовленности авторов сухих и вялых лекций. Ведь сухо и вяло читают прежде всего те, кто плохо овладел методом марксистско-ленинской науки. Тот, кто по-настоящему овладевает революционной теорией, не может читать сухо и вяло — то есть нетворчески, оторванно от современности, бесстрастно.

От слов сожаления пора перейти к живому делу. Нужно, чтобы все вузовские кафедры и научные рецензенты, обсуждая лекции, обязательно разбирали не только их содержание, но и неразрывно связанную с ним форму. Нужно создать пособия, помогающие преподавательским кадрам овладеть лекторским мастерством. Нужно разработать специальные курсы, ввести их в учебные планы институтов повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма.

До звонка, призывающего в аудиторию и студентов и преподавателей, осталось совсем немного дней... Еще раз загляните в свои конспекты, товарищи преподаватели! Слова и снова продумайте не только содержание своих лекций, но и неразрывно связанную с ним форму. Молодежь ждет от вас большевистского слова — живого, страстного, образного, выразительного. У вас есть непревзойденные образцы большевистского пропагандистского искусства — лекция и доклад Ленина и Сталина. По примеру Ленина и Сталина смелее обращайтесь к сокровищам устного и народного творчества, в наследие классиков и книг лучших писателей-современников и прежде всего к советской действительности, к живой жизни. Все это потребует большого и напряженного труда — слов нет! Но труд этот окупится сторицей.

От редациям. Редакция «Литературной газеты» просит руководителей кафедр и преподавателей — основ марксизма-ленинизма высказаться по поводу вопросов, поднятых в статье «О мастерстве лектора».

К 15-летию со дня смерти

Анри Барбюса

Писатель-борец

30 августа 1950 года исполняется пятнадцать лет со дня смерти Анри Барбюса — величайшего мастера французской литературы после первой мировой войны. Сотни миллионов сторонников мира будут вечно помнить этого писателя, который совместно с Романом Ролланом являлся инициатором международного движения в защиту мира и свободы, — движения, направленного против фашизма. В день его похорон в Париже десятки тысяч мужчин, женщин и детей пришли, чтобы отдать ему последний долг. Подобные акты народ не оказывал ни одному писателю в нашей стране после смерти Виктора Гюго.

Французские писатели, верные своему народу и его борьбе за мир и национальную независимость, чтут в лице Барбюса не только крупнейшего мастера французской культуры и литературы, но и руководителя, вдохновляющего их деятельность; человека, который не только указал путь к искусству, достойному самых высоких устремлений нашего народа, но и в течение всей своей жизни, преданной пламенной борьбе, терпеливо и заботливо выращивал кадры молодых писателей.

В литературу Барбюс вошел активным борцом. Когда в августе 1916 года (то-есть через два года после начала империалистической войны) газета «Эвр» начала печатать частями его роман «В огне», — для фронтовых солдат и их семей в тылу эта книга прозвучала, как их собственный гневный протест против кровавой бойни, против войны в защиту капиталистических интересов. Этот роман ознаменовал собой новый этап в нашей литературе. Никогда еще в прошлом ни один писатель не осмеливался выступить в защиту народа в самый разгар войны, бросая вызов правительственной цензуре и не страшась преследований.

Успех этого романа был настолько значительным, что он был издан отдельной книгой и получил Гонкуровскую премию 1917 г., то-есть самую высокую награду в области французской литературы того периода.

В 1917 году Барбюс сразу же понял, что Октябрьская революция знаменует собой новую веху в истории человечества. То, что прежде было мечтой, теперь стало действительностью. Счастливые будущее, свобода и мир перестали быть отвлеченными понятиями, — народы Советского Союза превратили их в жизнь.

Анри Барбюс сумел подняться над уровнем пацифизма и достичь политической высоты, достойной революционера. Вся его деятельность с тех пор проходила под знаком неуклонного выполнения его долга — долга революционного деятеля. Вдохновляясь примером Советского Союза, которому он был бесконечно предан, и опираясь на помощь французской компартии, он принимает все более и более активное участие в идеологической борьбе и в создании новой французской литературы, тесно связанной с народом. В своем журнале «Кларет» он решительно выступил против зарождавшегося течения бюрократов и против пацифистских иллюзий, которыми еще убаюкивал себя Роман Роллан.

Он завершил свой творческий путь книгой, которая была посвящена жизни великого вождя международного рабочего движения, — книгой о Сталине.

Барбюс глубоко осознал смысл Октябрьской революции и сумел воплотить в своих книгах идеи коммунизма, став писателем нового типа, способным сочетать высокое искусство с делом служения народу.

В наши дни, когда во всем мире широко развернулась борьба за мир, против поджигателей новой войны, великий пример Барбюса актуален, как никогда.

Эту годовщину со дня смерти Барбюса французская буржуазия, относящаяся с ненавистью к мастерам культуры, будет игнорировать точно так же, как она игнорировала годовщины Балзакса и Анатоль Франса, Роман Роллана и Ги де Мопассана. Однако народ отметит эту дату. Мы знаем, что 30 августа 1950 года имя Барбюса будет вечно звучать, как имя самого дорогого друга, который и после смерти продолжает помогать нам бороться за лучшее будущее. И никакие похоти не могли бы так разоблачить Барбюса, как сознание того факта, что его имя особенно высоко ценят в стране победившего социализма — стране, прилагавшей все усилия к тому, чтобы возродить дело мира.

Пер ДЗКС,
главный редактор
французской газеты «Се суар»

ОГОНЬ

Лино борца и человека
Пред нами заново встает.
...Когда был так юнкой века
И редким чудом самолет,
Когда и залежи урана
Еще дремали тяжело,
— В те годы, как свирепая рана,
Его предвиденье прожгло.

Войны огромной и зловещей
Случайно выживший солдат,
С тревогой зоркою и вещей
Он вспомнил все пройденный ад.
Он вспомнил, как в траншеи глине,
За чернотой германских линий
Рассвета брызнула лучин.

Вокруг шумела непогода.
Был сумрачен ополчный вал.
Октябрь Семидесятого года
Над человечеством встал.
И подгадал солдат, откуда
Восходит солнце на земле,
И он поверил в это чудо
И зрячим стал в крошечной мгле.

И правды этой ясным светом
Тому сокрушая и гоня,
Он услышал: ВСЯ ВЛАСТЬ
СОВЕТАМ!

На страшной линии огня.
Он шел. За ним спешила стая
Шинюских слезок и погонь.
И книга первая, простая
Шла в ногу с ним — его «Огонь».

Сейчас она лежит пред нами.
А тот солдат, тот человек
В Корее или во Вьетнаме
Дерется за грядущий век.
Он также чест и также молод,
И правду стоишь весь мир расколот
На новой линии огня.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Во всех концах страны

За послевоенные годы в Советском Союзе создано вновь и восстановлено 350 высших учебных заведений. Из них сорок вузов открыты в минувшем году. В Сталинабаде, Кинешине и Ужгороде организованы новые университеты, в Челябинске, Пензе, Барнауле — технические вузы, в Рязани и в Костроме — сельскохозяйственные институты.

Много новых вузов открывается и в текущем году. В Баку создается политехнический институт, во Владимире и Орехово-Зуеве с 1 сентября начнется первый учебный год в педагогических институтах, готовящих к открытию Академии угольной промышленности в Москве. Медицинский институт в Карагане. Многие высшие учебные заведения обогащаются новыми факультетами и отделениями.

К концу 1950 года в вузах нашей Родины (включая и заочные) будет обучаться свыше миллиона студентов. Еще больше учащихся будет заниматься в средних технических учебных заведениях страны — техникумах.

Молодежь, окончившая среднюю школу, едет учиться не только в столичные учебные заведения, но и, подчас, в весьма отдаленные районы страны. Директор Морского рыбопромышленного техникума в

Петропавловске-на-Камчатке тов. Николай телеграфировал в «Литературную газету», что заявления с просьбой о приеме в техникум получены в этом году из Татарской АССР, Киргизии, Бурят-Монголии, из Львова. Приемная комиссия Мологского фармацевтического института допустила к вступительным экзаменам молодежь 25 различных областей страны, в том числе Вологодской, Архангельской, Иркутской, Новосибирской, выпускников средних школ Казахстана, Молдавии, Башкирии, Татарии.

Со всех концов страны прибыла молодежь в вузы и техникумы Новочеркасска: с Украины, из Белоруссии, республик Прибалтики и Средней Азии.

В высшие учебные заведения Свердловска поступает не только молодежь Урала, но и выпускники средних школ Украины, Сибири, Крыма, Удмуртии, Дальнего Востока и Сахалина.

Всего в высшие учебные заведения Советского Союза в этом году поступило около 300 тысяч заявлений, в том числе почти 30 тысяч — от окончивших среднюю школу с золотыми и серебряными медалями. 20 августа закончились приемные экзамены.

Лаборатория испытания и воспитания растений

На грядке выстроились гибридные однолетние деревья. Селекционер, отбирая и заботливо воспитывая лучшие из них, превратит эти деревья в родоначальников новых сортов.

Однако низкая температура не одинаково влияет на растения одного и того же сорта, по-разному подготавливая условия жизни в борьбе с холодами.

Только при советской власти удалось осуществить давнюю мечту отечественных ботаников, селекционеров, физиологов о создании лабораторий, в которых можно было бы изучать влияние климата на растение и, изменяя искусственный климат, изменять природу растения.

Мы исходим из мичуринского положения о единстве организма и среды. Условья жизни формируют каждый организм и делают его особенностью наследственными.

Она будет «приводить» морозы, суховей, влажные и сухие климаты. Здесь можно будет воспроизвести весну и осень, зиму и лето Московской и Закавказья, астраханских степей и Белоруссии, Камчатки и Краснодаря.

Управление «стихиями» будет производиться с одного пульта. Диспетчер по требованию, переданному ему по телефону, «подает» в любую камеру любую погоду.

Прежде всего стация займется разработкой методики испытания и воспитания растений искусственным путем. Это необходимо для наилучшего использования будущей стации.

Основные испытания будут производиться в большой оранжерее и в специальных камерах. Для некоторых экспериментов предназначаются холодильные шкафы.

озимых хлебов и плодовых деревьев при температуре до -30°. Шестой шкаф — «полюс холода» всей лаборатории.

Проектируется также устройство передвижных агрегатов для испытания растений на полях и в садах.

Представьте себе, что надо выяснить, сможет ли молодое дерево выдержать морозы до 30°, а на улице — только 15°.

Агрегат подвезет в намеченному для испытания деревцу, накроет его особым цилиндром, в котором и создадут необходимую температуру.

Сейчас еще трудно точно отпереть круг всех работ новых лабораторий искусственного климата. Но, несомненно, они немало ускорят и улучшат выведение высококачественных сортов различных сельскохозяйственных культур.

Русские полярные мореплаватели XVII века

Семнадцатый век вписал яркую страницу в историю русского арктического мореплавания. Ни одна из стран Европы, за исключением России, не имела в то время своего полярного морского флота.

До недавнего времени было известно о 23 полярных экспедициях русских мореходов. Старшему научному сотруднику Арктического научно-исследовательского института М. Белову удалось собрать документальные данные еще о 122 арктических плаваниях, а также ряд новых материалов о великом русском путешественнике Семене Дежневе и его отважных товарищах.

Первое плавание русских мореходов в северо-восточные воды Арктики было совершено летом 1633 года группой торговых и промысловых людей во главе с енисейским казаком Иллеем Перфирьевым.

До сих пор оставались вне внимания историков плавания по «степуному морю» казака Василия Бурака. Он путешествовал с Лены на Индигирку. В числе первых северо-восточных мореходов был казак Федор Чукачев. С начала 1642 года он плавал вместе с Дмитрием Зыряном.

Помещенные в сборнике документы проливают новый свет и на организацию экспедиции С. Дежнева, опровергая установленный в литературе неправильный взгляд, будто бы эта экспедиция была основана примитивно. Биографы Дежнева, например, ошибочно предполагали, что он плавал на примитивных судах-каюках — узких плоскодонных лодках, а также, что ходившие на этих судах мореходы не были знакомы со штурманским делом.

отвечавшим условиям плавания в Арктике. Грузоподъемность лодки доходила до 30—35 тонн, в нем размещалось около сорока пассажиров.

В таможенных делах обнаружена «роспись» товаров, взятых спутниками Дежнева для его знаменитого плавания. В ней говорится о «тринадцати матках в кости», т. е. о тринадцати компасах в костяной оправе.

Президент Всесоюзного географического общества СССР акад. Л. Берг, познакомившись с сборником, высоко оценил труд М. Белова, разбрасывая и исследовавшие новые исторические документы и материалы.

Вошедшие в сборник материалы документально обосновывают приоритет русских географических открытий и полярных морских походов на северо-востоке Азии. Особую ценность представляет то, что в сборнике впервые собраны все известные, а также ранее неизвестные документы о великом русском полярном мореходе Семене Ивановиче Дежневе.

Вопреки в сборник материалы документально обосновывают приоритет русских географических открытий и полярных морских походов на северо-востоке Азии. Особую ценность представляет то, что в сборнике впервые собраны все известные, а также ранее неизвестные документы о великом русском полярном мореходе Семене Ивановиче Дежневе.

Зеленый конвейер

Палаше лучи солнца еще в мае сжигают травяной покров таджикских пастбищ. Животноводы республики постоянно ощущают недостаток естественных кормов для скота.

На опытных участках по кормодобыванию при Институте животноводства проводятся пробные посевы различных корнеплодов масличных и бахчевых культур, которые при массовом внедрении их в практику сельского хозяйства смогли бы обеспечить животноводство республикой полноценными монокотлонными кормами.

На одном из таких участков под наблюдением доктора сельскохозяйственных наук С. И. Плешко находится более 170 сортов различных культур. В итоге трехлетних опытов С. И. Плешко предложил использовать в качестве кормовой культуры кабачки. Эта культура плодоносит с начала июня до конца октября.

Все совхозы и часть колхозов республики сделали в этом году пробные посевы кабачков. Однако история внедрения этой кормовой культуры кончилась самым странным образом: брошюра, написанная С. И. Плешко и предложенная Министерством сельского хозяйства Таджикистана для печати, была возвращена автору.

Все совхозы и часть колхозов республики сделали в этом году пробные посевы кабачков. Однако история внедрения этой кормовой культуры кончилась самым странным образом: брошюра, написанная С. И. Плешко и предложенная Министерством сельского хозяйства Таджикистана для печати, была возвращена автору.

Простому человеку Америки

Понятен мне алобой прожженный Американский конгресс. Но ой-то, сын фермера, Джонни,

Зачем он в Корею пошел? Мы празднуем пир урочья, Цветы поднимая, живем. Он, миру войны угрожая, Шагал по Корею с ружьем. Сраженный огнем батареи, Уже не вернется назад.

Что же ждал он в Корею? Кто он добился, солдат? Мать где-то в Америке платит, Но слезы не смоят вины. С оружием шел он, а значит, Он был — поджигатель войны.

И я рдственник мира и света, И я не жалую о нем, Он шел убивать, и за это Сражен справедливым огнем. Лежит он, а Трумэн стучится К другому голодному в дом, Лежит он, А Пий громогвида. Его отменяет крестом.

Онбис он, Джонни с оружием, Надули его господа. Враг он не там обнаружил, За счастьем пошел не туда. Война ли поможет заботам, Когда он с детьми на спине По Штатам ходил безработным, Сверхштатным

в своей стороне. В Корею ля, способом валома, Врать землю? Не будь бы он слеп, у Белого дома Потребовал землю и хлеб! И, чем за оружие браться, Кореюское счастье губя, Пора бы ему разобратся В Америке, там, у себя!

Чужой, под дождями, в кювете Лежит он, пособник слепой. Простой человек на плавете, Подумай над этой судьбой! Простой человек, в эту пору Война закипает, грози. Нельзя тебе прятаться в нору, Тебе отключаться нельзя, Нельзя, если мир тебе дорог!

От каждого нужен ответ, Без сындок и без оговорок: Стоишь ты за мир или нет? За мир! — Это значит, не просто Желание счастья себе, Слова эти нам не для госта — Они для победы в борьбе. Смолчишь ты, — толкнет тебя Трумэн, Он жаждет твоей немoty.

Не будь безучастен, бездумен, Пред миром ответственный ты. Мечтай заместик Макаутру Ударить твоим кулаком. И жизнь твою бросить на карту. Подумай, не будь дураком. Ставь подлинс свою

и открыто Оружье войны прокламий. Не дай, чтобы в форму бандита Тебя пеленали они. Борьба что ни день — напряженней, И слово опять за тобой. Не будь молчаливым, как Джонни, С его незавидной судьбой.

Халтура со взломом

Недавно я прочитал статью рецензента А. Матхашяна «Весна на Одер» об одноименном романе лауреата Сталинской премии Э. Казакевича.

«Через весь роман, — читал я в статье А. Матхашяна, — проходит любовь Лубенцова к военному хирургу Тане Кольцовой — чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей. Казакевич показывает, как в испытаниях Отечественной войны, озаренной великими освободительными целями, крепнет и растет и чувство дружбы, и чувство любви...»

«Привлекают к себе и хорошо запоминаются герои «Весны на Одер»: лихой командир стрелковой роты Чохос с его пламенной ненавистью к гитлеровцам; начальник политотдела Плотников — бывший преподаватель диалектического материализма в Харьковском университете, прекрасный пропагандист...»

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

тв, показывает, что в испытаниях Отечественной войны, озаренной великими освободительными целями, крепнет и растет и чувство дружбы, и чувство любви...»

«С большой силой, — читаем мы в рецензии тов. Шумского, — проявился безэстетрический дух Э. Казакевича в написанной им галереи советских воинов-победителей. Вот почему прельщают к себе и так хорошо запоминаются положительные герои «Весны на Одер»: лихой командир стрелковой роты капитан Чохос с его пламенной ненавистью к гитлеровцам; «храбрый без натури» начальник политотдела Плотников — бывший преподаватель диалектического материализма в Харьковском университете, прекрасный пропагандист...»

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

«Вот что писал тов. Плоткин за полтора месца до появления на свет гибрида А. Матхашяна: «Через весь роман проходит любовь Лубенцова к военному врачу Кольцовой, чистой, нежной и преданной любви двух хороших советских людей... Казакевич, как и другие советские писатели, напро-

Колхозный радиотехник

С Андреем Яковец я познакомился на полевом стане четвертой бригады елизаветовского колхоза имени Державина. С кожаной сумкой за плечами, в которой сложены инструменты, колхозный радиотехник Яковец ежедневно на велосипеде объезжает полевые станы и животноводческие фермы.

Нынчешним летом мне довелось побывать во многих районах области. В редком колхозе нет радиоула, радиоприемников в общественных зданиях и домах колхозников. Завершена сплошная радификация сел Сальского и Сельского районов.

На Дону, как и в других районах нашей страны, радификация колхозов принимает все больший размах. Поэтому внимание к ней и к кадрам колхозных радиотехников должно неизмеримо возрасти.

диофикацию станиц, хуторов и сел области. И вот появилась в деревне новая профессия — колхозный радиотехник. В большинстве своем это бывшие воины Советской Армии. Естественно, у многих из них нет специальной технической подготовки, опыта работы. Они нуждаются в заботе и помощи, особенно в овладении той новой радиоаппаратурой, которую выпускает наша промышленность.

Получают ли такую помощь колхозные радиотехники? Кто направляет их работу? К кому могут они обратиться за советом и поддержкой? Андрей Яковец говорил мне: — Варимся мы в собственном соку. Ни от кого пока помощи нет. А ведь работать на радиоула, обслуживающем 500—800 домов, без достаточных знаний и подготовки трудно.

В. ПОНЕДЕЛЬНИК РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Советская литература — борец за мир

1. Советская литература создана и вдохновлена обществом, которое родилось со словом: мир!

Декрет о мире, написанный Лениным, был принят II Всероссийским съездом Советов в ночь 25 октября — 7 ноября 1917 года, — в великую ночь рождения нового социального строя, новой эры в истории человечества. Радио передало ленинский декрет всем восвавшим народам, всем правительствам.

— Всем! — Всем! — Всем! — фронтам, кровью пьяным, рабам всякого рода, в рабство богатым отدانым. — Власть Советам! Земля крестьянам! Мир народам!

(В. Маяковский).

Слова: власть Советам стояли рядом со словами: мир народам. Власть Советам — это и означало мир народам.

Правительства капиталистических стран отвечали на мирные предложения молодого советского государства войной. Так американские, английские, французские, немецкие империалистические хищники начали ряд самых преступных войн в истории человечества — войн против мира, во имя чудовищной попытки уничтожения государства, первым словом которого было предложение мира всем народам.

Империализм во всем оглоении — живот наружу, с вставными зубами, и море крови ему по колени — сжирает страны, вздымая штывками.

В. ЕРМИЛОВ

Так рисовал Маяковский драхлеющее чудовище, ринувшееся на страну, которая решила навсегда положить конец войнам. Советская страна родилась для борьбы за мир во всем мире, потому что она родилась для создания.

И то же самое можно сказать о советской литературе.

В чем, прежде всего, заключается ее новаторство? Герои до-советской литературы были правдоподобны, терпеливы «горе от ума», оказывавшиеся лишними и в дворянско-буржуазном обществе, забывавшиеся о народе, о его судьбе, людях, униженных и оскорбленных, казавшиеся несправедливыми, люди, мечтавшие о счастье творческого, свободного труда, — разные и хорошие люди. Но не было и не могло быть среди них строителей, занятых свободным созидательным трудом.

Герои советской литературы стали создателями, строителями и уже поэтому — борцы за мир во всем мире.

Титаническая фигура Горького открывает путь советской литературе. Традиции Горького, основоположника социалистического реализма, великого художника, воспитанного партией Ленина — Сталина, вдохновляют наших писателей. Горький принес с собою целый мир новых идей, образов, тем, сюжетов, социальных, моральных, эстетических норм. Он привнес с собою в литературу нового героя — строителя, — те миллионы «маленьких великих людей», которые создают все ценнейшее, все прекрасное и разумное на земле. И пришли они уже не только в качестве «униженных и оскорбленных», как рисовала их предшествующая литература, но в новом историческом значении зватрищных хозие в своей родной земли. Герои горьковских произведений мечтают о богатейшем созидании, рвутся к свободному труду. Они мечтают о жизни, где законом станет великая любовь к человеку, ибо Человек — это звучит гордо!

На земном шаре нет сейчас такого уголка, где бы люди не знали знаменитой легенды о сердце юноши Данко. И трудно отказаться от радости еще и еще раз вспомнить эту простую и мудрую легенду: каждый раз, когда мы вспоминаем ее, она рождается в нашей душе вновь, чтобы жить вечно. Она входит в наш внутренний мир, с детских лет становится частью нашей души.

Люди заблудились в темном, дремучем лесу. Нет выхода из тьмы.

— Что же сделало для людей?! — воскликнул, громче грома, юноша Данко. И он вырвал сердце из своей груди и поднял его, как факел, освещающий людям дорогу к свету и свободе. И люди пошли за горящим сердцем Данко, и оно вывело их в солнечную мирную долину, где их ждало счастье.

Так молодой писатель осветил начало пути новой литературы пылающим факелом нового, подлинного, сражающегося за счастье людей, гуманизма — и сразу же противопоставил этот гуманизм хищническому отношению человека к человеку. Мудрая старуха Иервиль рассказывает две легенды — одну о Данко, а другую о Ларре. В образе хищника Ларри Горький развенчал распристрастившиеся тогда поповедь «сверхчеловека», якобы призванного к господству над людьми. «Философия» мракобеса Ницше, духовного отца фашизма.

Так Горький начал свою борьбу с чело-веческим империализмом, свое утверждение Человека.

А затем, по мере роста и углубления горьковского творчества, героем его становится человек, прочно и твердо стоящий на реальной почве, труженик, борющийся за народное счастье, в груди которого бьется сердце Данко.

должна стать законом отношения общества к каждому человеку.

Труд, становившийся творчеством, — это любовь к людям, это мир на земле, ибо нет более противоположных, взаимоисключающих понятий, чем труд и война, творчество и разрушение.

Таковы коренные, постоянные темы и художественного творчества, и публицистики Горького.

Враги труда — враги человечности — враги мира — таковы были враги Горького. Он считал их не-лю-дь-ми, человеком подобным и выродками, отщепенцами от человечества.

Поджигателей войны он рассматривал, как «безответственных международных шайку явных преступников». Он обращался во всем, кто трудится: «Вам давно пора понять, что источник всего зла и горя, всего несчастья и уродства жизни, источник этой — жажды нищотного меньшинства людей, которые одичали, обезумели от жажды накопления денег и беззастенчиво, бесцеремонно командуют жизнью трудового большинства, растрачивая его силы, истребляя сокровища земли, которые принадлежат вам. Вспомните, что за четыре года империалистической войны потонели были в морях миллионы тонн металла, добытого и обработанного вами, сожжены миллионы тонн угля, добытого вами, уничтожены нечеловеческое количество кожи, тканей и всевозможных продуктов вашего труда.

...Они хотят теперь уничтожить, истребить миллионы людей.

Хотите ли вы этого? Вы в силах не допустить войны? Первый в мировой литературе великий поэт труда, Горький был грозным врагом империалистической войны. В знаменитой статье «О культуре» он изблужал всю безмерную гнусность расистских «теорий», оправдывающих войны. «Удовлетворения стремления хозяина-империалиста к новому «средству мира» посредством новой всемирной войны», — писал Горький, — реакция выдвигает «право» одной расы, — властвовать над другими. «Эта война забывает идея большого Фридриха Ницше о приоритете «белокорой бестии» исходя из факта порабощения рыжими и светловолосыми индусов, индонезийцев, мела- и полинезийцев, негров и т. д.». Эта теория права белой расы на единство в мире разрабатывается... рассматривается не только всех цветнокожих людей, но и бе-

лых своих соседей европейцев, как варваров, подлежащих порабощению или уничтожению».

Горький звал всех людей мира объединиться для борьбы против закона джунглей, объявить войну войне.

Наиболее отвратительным представителем незначительного меньшинства, безответственной международной шайки преступников, является, — подчеркивал Горький, — князя американских империалистов, которую он называл низкополюбой Америкой, противопоставляя ее Америке подлинной, демократической. «Цивилизация» низкополюбой Америки, по определению Горького, — «самая уродливая цивилизация нашей планеты», чудовищное царство «Желтого дьявола». Паразитическое, враждебное труду заправы этой Америки, лощеные господа в цилиндре и фраках для Горького были равнозначны социальным подонкам, отребью. Писатель, для которого о юных лет не было ничего выше и дороже на земле, чем труд и творчество, всегда был чуждым и враждебным все виды паразитизма. Еще в одном из ранних своих рассказов «Бывшие люди» Горький изобразил некоего Кувалды, бывшего романиста, понавшего «на дулю» и ставшего содержателем ночлежки для «блестяков». Писатель раскрывает враждебность этого лобного паразита людям, его чело-вечески-инстинктивную «философию», разнимаемую им в беседах со своими «клиентами»-ночлежниками: «— Вышнее, будущий каторжник», — говорит Кувалда одному из своих собеседников, — за тво будущее. Если ты уберешь денежного человека, поделится со мной... И, брат, поезду тогда в Америку... Поеду туда и достанусь там до президента Нитта. Потом объявлю всей Европе войну и вздую ее. Армию купую... в Европе же... пригласю французю, немецю, турок и буду бить ими ихних родственников... С деньгами можно... уничтожить Европу...»

Правда же, это мало чем отличается от «плана Маршалла», доктрины «Трумэна»! Пройдя, мрачный подонок Кувалда оказался бы сегодня вполне на уровне этих гандитских «доктрин», если бы ему удалось его, так сказать, «сплан Кувалды»...

Над кровавой грязью, над злобой всех палачей человечества, над ненавистью к людям Горький высоко поднял значение того слова, которое, быть может, больше всех других человеческих понятий и слов

было захватано, служило средством обмена: он поднял над миром Любовь.

И его гениальный вдохновитель, великий друг человечества — Сталин укрепил в Горьком всеобъемлющую любовь к людям.

На экземпляре поэмы Горького «Девушка и смерть», нежной и мудрой поэмы, которая вся озарена бережной улыбкой, обращенной к маленькой, обыкновенной девушке, победившей силой своей любви самое смерть, — Сталин написал:

«Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (я боюсь влюбиться в смерть)». Сталин подчеркнул три последних слова.

Народ, руководимый Лениным и Сталиным, доказал за три с лишком десятилетия, что любовь — подлинная, могучая, творческая любовь к людям, к жизни — побеждает смерть, побеждает чело-вечески-инстинктивное не только в «золотом веке», а нараву, на земле.

Идея гуманизма и создания наша литература защищала с первых своих шагов. Именно потому, что ее герой — труженик, мастер, создатель, именно поэтому — не какая-либо временная, хотя бы и очень важная тема советской литературы, — нет, это ее сущность, основа основ, ее философия, эстетика, поэтика: ее душа.

Если герой горьковского творчества отдавал свои силы борьбе за возможность свободного созидательного труда, то героем произведений продолжателей, последователей Горького стал человек, уже отвовавший эту возможность, начавший свой героический и рдостный подвиг коренного преобразования Родины.

Поэзия лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи, Владимира Маяковского, проникнута мотивами героизма и счастья созидания.

Замыслы и их воплощение

О молодых грузинских прозаиках

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ

На XIV съезде большевиков Грузии секретарь ЦК КП(б) Грузии тов. Чарквиани призвал «покончить с отставанием грузинской советской прозы».

Одним из важнейших условий подъема грузинской литературы является привлечение и воспитание молодых литературных кадров. Ознакомление с произведениями молодых грузинских прозаиков показывает, что молодежь, выросшая в колхозных деревнях и социалистических городах, прошедшая огонь Отечественной войны, несет в литературу новые темы, новые мысли и образы.

Одно из наиболее интересных произведений молодых грузинских прозаиков — «Звезда Гарикула» Тенгиза Гоголадзе. Автор, рисуя жизнь послевоенной грузинской деревни, показывает, какими громадными возможностями обладает любовь колхоза. Замечательные люди колхозной деревни при правильной организации труда, при умелом руководстве способны совершать чудеса. Герои повести Гоголадзе преобразуют природу, выводят свой колхоз в ряд передовых. В этом им помогает партийная организация, новый председатель и новое правление колхоза, сельский агроном — представитель передовой мичуринской науки. Они раздвигают животворный огонь социалистического соревнования, возглавляют борьбу гарикульцев за высокий урожай. Одно из достоинств повести Тенгиза Гоголадзе — правдивый показ значимых критики и самокритики, движущей силы нашего общества. Критика и самокритика исправляет отсталых колхозников, подтягивает отстающих, поощряет передовых работников.

Повесть Гоголадзе многопланна. Мы встретим в ней поэтическое описание грузинского пейзажа, удачно подмеченные детали колхозного быта. Но основное в повести — дела и мысли колхозников, личная жизнь которых тесно связана с жизнью колхоза. Невозможно секретарю партийной организации Шахро наладить свою личную жизнь, не наладив жизнь колхоза; основой его личного благополучия может быть только общее благополучие. Нельзя передовому советскому агроному Натасе связать судьбу с Зурабом, пока тот свою босую славу не подтвердит новыми трудовыми подвигами.

Удача сопутствует молодому автору во всех случаях, когда он прислушивается к голосу жизни, отмечает типические явления действительности. Но стоит Гоголадзе оторваться от материала жизни, как тот или иной образ приобретает черты надувательности и искусственности. Таков в повести образ Зураба. Лучший тракторист в прошлом, герой Отечественной войны, Зураб после возвращения с войны отказывается приступить к работе, но в повести это не мотивировано. Автор мог, конечно, отметить трудности, связанные с переходом от боевой жизни к мирному труду, но не следовало преувеличивать противоречия в сознании героя и ставить их в основу драматического конфликта. Драматизм и авантюризм образа Зураба, не обусловленные духовным обликом Зураба, ни условиями колхозной жизни в селе Гарикула. Совершенно излишним представляется рассказ о любви нового председателя колхоза Ваню Богвели к агроному Натасе, линия, которая, будучи не связанной с основным сюжетом, несет самодеятельный характер. В серьезной драматургии нуждается язык повести, изобилующий надувательными сравнениями.

В рассказе «Заза Месхи» Мурман Лебанидзе жизненно и свежо рисует советских

школьников. Речь идет о деревенских школьниках. Читатель видит, как в условиях советской действительности стираются грани между городом и деревней, растет новая сельская интеллигенция; в ней сегодня принадлежат не только учителя, врач или агроном, но зачастую и бригадир, комбайнер, рядовой колхозник.

В центре рассказа — образ талантливого художника, комсомольца Заза Месхи. Характер героя раскрывается в его общении с товарищами, в труде и учебе, в активной творческой деятельности. Третья часть рассказа посвящена дружбе Заза с большой девочкой Шуну, помощь старому колхознику, работа над картиной, переписка и дружба с москвичкой Таней, поездка в Москву — лучшие страницы рассказа.

Хорошо написал автор о молодом художнике. Но неопытность писателя, непосредственное стремление «осложнить» образы привели его к ряду неудач. Сомнение вызывает образ Нодара Даушвиани. С первых же страниц этот паренек выступает в мрачном и полуполитическом освещении. Он недоброжелательно относится к товарищам, особенно к Зазе; одна из его грубых выходок обостряет болезнь Шуну, учится он плохо... И все эти черты показаны автором, как нечто заранее данное, они не объяснены. Отношение к Нодару товарищей тоже непонятно. Даже Заза Месхи, секретарь комсомольской организации, не находит иного метода воздействия на товарища, кроме применения физической силы.

Для М. Лебанидзе характерны темпераментность, приниженная лирическая интонация. Автор переносит поэтические приемы в прозу, и это сообщает рассказу романтическую устремленность, так свойственную юности. Но иногда автор теряет чувство меры, и тогда лиризм во взаимоотношениях героев переходит в сентиментальность.

Второй рассказ Лебанидзе («Генерал Лесидзе и мальчик из Марухи») свидетельствует о серьезной работе писателя над своим языком и стилем. Рассказ написан лаконично, экономно в выборе средств, ему присуща большая точность характеристик. Писатель повествует о дружбе прованского генерала Лесидзе с мальчиком из горного селения Марухи, раскрытая патриотизм маленького советского гражданина.

Автор книги «На Крымской земле» Б. Мумладзе — участник описываемых им событий. В книге нет сюжета в узкоформальном понимании этого слова. Ее сюжетную основу составляют правдиво нарисованные картины фронтового быта и боев. Сила книги в естественности повествования, в богатстве материала. Яркие детали и общие картины боев, и подвиги отдельных советских бойцов. Говоря об отдельном боевом участке, автор умело связывает описанные им события со всей грандиозной борьбой советского народа. Книга Мумладзе оптимистична, и хотя заканчивается она описанием вынужденного временного отступления нашей армии из Крыма, у читателя ни на минуту не исчезает чувство уверенности в силе Советской Армии, в близком конечном торжестве нашего правого дела.

За последние время привлекли внимание своими рассказами молодые писательницы Инна Абашидзе и Вера Буачидзе. Рассказы Инны Абашидзе «Мать» и «Пестрый

платок» интересны по темам, по ряду тонких наблюдений автора, по отдельным деталям. Но хочется предостеречь писательницу: она перегружает рассказ любовно-романтическими мотивами, и труд часто служит только фоном для интимных переживаний героев. В рассказе «Мать» немало голословных заявлений о «большом деле», которым занят один из главных героев рассказа инженер Арчила, однако это «большое дело» не показано. Читая рассказы И. Абашидзе, видишь, что и эта молодая писательница порой во имя создания остро драматических положений грешит против правды жизни. Так, рассказывая об отношениях Арчила и Таики, она возмущает на пути героев искусственные, потешные препятствия: Таико решает пожертвовать личным счастьем, чтобы сопроводить своего слепого брата, остающегося на учебу в Москву.

Второй рассказ Инны Абашидзе — «Пестрый платок». Главное место здесь занимает повествование о жизни грузинских животноводов, о поваторах, создавших новую породу овец. Но вся побочная любовно-романтическая линия посвящена решению опять-таки искусственной проблемы: можно ли полюбить простого пастиуха? Крутым недостатком рассказа является и то, что писательница мало показывает своего героя в действии, в жизненных обстоятельствах.

Вера Буачидзе стремится показать неразделимость личной жизни и общественной деятельности советских людей. Тема рассказа «Парада за труд» — труд и любовь. В процессе труда крепнут дружба и взаимное уважение молодых людей Автадиана и Маро. В рассказе «Новый дом» советские люди поступают мелкими интересами во имя общественного дела, направленного на удовлетворение подлинных нужд советских граждан.

Ряды молодых грузинских прозаиков крепнут, в них вливаются свежие писательские силы.

Рассмотренные произведения не исчерпывают всего, написанного молодыми литераторами Грузии. Но они дают основание для некоторых выводов. Творческие удачи молодых писателей находятся в прямой зависимости от глубины постижения явлений, которые они изображают. Близость к жизни помогла многим из них создать убедительный, яркий характер положительного героя. Но когда писатель становится на путь изображения выдуманных героев и явлений, в произведениях появляются Зураб с искусственно навязанным ему образом «драматизма», «туманный» Нодар Даушвиани. Инна Абашидзе потерпела поражение, попытавшись создать искусственные препятствия на жизненном пути своих героев.

Задача сейчас состоит в том, чтобы еще более зорко всматриваться в жизнь, доверять жизни и решительно отказаться от нагромождения ложных, являющихся от плохой литературной традиции, ситуаций и образов.

Правлению Союза писателей Грузии следует учесть, что работа молодых грузинских прозаиков будет успешной только тогда, когда Союз писателей поставит ее, наконец, в центр своего внимания, проявит подлинную заботу о творческом росте каждого молодого прозаика, развернет более широкое, чем сейчас, обсуждение новых произведений на секции прозы, на правлении, с тем, чтобы вовремя указывать молодым писателям на недостатки их произведений, направлять их творчество по верному руслу.

ему составу, действовавших под руководством большевиков.

Самозабвенно, во всю силу души сражаясь с прозежными завоевателями, партизаны тоскуют о том, что им приходится воевать, а не создавать: «Унь да унь, надоедо. Когда строить-то будем?» — говорят они.

Настолько сильна была в их душах поднятая на весь мир большевиками прелесть и великая идея дружбы всех народов, что они находят общий язык с взятыми ими в плен солдатами американской армии.

«Американский солдат слегка горбился и боязливо втянул голову в плечи... — Жугу, сволочи! — Распоряжаются! — Будто у себя! — Ишь, забрался! — Присели иди!»

«В это время Пентефий Знобов, работавший раньше на владивостокских доках, залез на телегу и, точно указывая на потерянное, закричал: — Объя-я-я!»

«Окорок закричал американцу во весь голос: — Ты им там разъясни. Подробно. Не хорошо, мол. — Зачем нам мешать!.. — Вершини степенно сказал: — Люди все хорошие, должны понять. Также же крестьяне, как и мы, скажем, пашете и все такое»...

В финале этой сцены: «Американец сорвал с головы фуражку и завопил: — Имперализм! Away!»

Дол ой имперализм! — таков был вывод, к которому в полном согласии пришли и дальневосточные крестьяне-партизаны и американский военнопленный солдат.

На всей планете, товарищи люди, объявите: войны не будет!

Эти слова Маяковского — призыв всей советской литературы, ее пафос, ее воля.

Как просто и искренне рассказывал Николай Островский о чувствах и мыслях своих героев, рабочих юности, поднявших свою землю от американских и японских империалистических разбойников, о партизанских отрядах, крестьянских по сво-

ему составу, действовавших под руководством большевиков.

мо жила в их душах, в самом разгаре жестоких боев, мечта о мире во всем мире!

Вот Сергей, один из героев романа «Как закалялась сталь», вспоминает о сражении, в котором он смертельно ранил вражеского солдата.

«Рука Сергея не дрогнула. Он знает, что он будет еще убивать, он, Сергей, умеющий так нежно любить, так крепко хранивший дружбу. Он парень не злой, не жестокий, но он знает, что в звериной ненависти двинулись на республику родную эти последние мировые паразиты, обманутые и злобно натравленные солдаты.

И он, Сергей, убивает для того, чтобы приблизить день, когда на земле убивать друг друга не будут».

Ценность советской литературы, помимо других ее особенностей, — в ее исторический-документальной достоверности, в новой, небывалой еще до нее, массовости; так, как думали и чувствовали герои романа Николая Островского, думали и чувствовали сотни тысяч бойцов. Именно для приближения того дня, когда на земле убивать друг друга не будут, и отдавали боевые друзья и ровесники Павла Корчагина свои юные жизни, только что разбуженные небывалым светом, зажженным их Родиной.

В прозе Сергея Знобова, у юстра бойцы беседуют о прочитанных книгах, где изображаются герои, мученически отдавшие свою жизнь за идею, вспоминают о подвигах своих товарищей.

«Так человек не выдержал бы, но как за идею пошел, так у него все это и получается».

«Умирай, если знаешь за что, особенно дело. Тут у человека и сила появляется».

В этом и выражен секрет всех побед армий, борющихся за мир против войны, — всех героических побед, одерживаемых свободными народами над разбойниками империализма.

В романе Николая Островского есть слова, как вечная надпись на вечном памятнике: «Здесь мужественно умирали братья, для того, чтобы жизнь стала прекрасной»...

Каждый, кто все человечество обнимает любовью, читая эти слова. Здесь умирали солдаты мира. Но солдаты мира не умирают. (Продолжение следует)

Бессмертный солдат армии мира

В советских воинских частях и на военных кораблях, победоносно сражающихся против фашизма и империалистической агрессии, в час вечерней поверки выкрикивают имена тех, кто пал смертью храбрых, героически выполняя свой долг. Имена героев, сражавшихся за счастье человечества, — бессмертны. В многомиллионном строю мужественных борцов за великое дело мира навсегда остается несгибаемый солдат, замечательный писатель Франции, пламенный коммунист — Анри Барбюс.

Л. ЗОНИНА

АНРИ БАРБЮС

Для таких людей, как Анри Барбюс, день смерти является началом итога их работы, началом расширения и усиления ее революционной значимости.

М. Горький.

3 августа 1914 года высокий, худой человек вошел в военный комиссариат на улице Лапаран в Париже и потребовал, чтобы его отравили на фронт пехотинцем. Не в тыловую часть, не в штаб, — непременно в пехотный полк на передовую линию. Заключение медицинской комиссии гласило: к строевой службе негоден.

Это был известный писатель, отмеченный уже сорокалетней юбилей, — Анри Барбюс. Ему удалось добиться своего. Облеченный в голубую шинель французского стрелка — «пулялю», он мог «защипать прогресс».

«Иду добровольцем на войну, простым пехотинцем», — писал он редактору «Юманите».

«Иду не потому, что отказался от идей, которые всегда защищал бескорыстно. Нет, я думаю послужить им, взявшись за оружие. Эта война — социальная. Она может быть решающим шагом по пути к осуществлению нашего общего дела. Она направлена против наших вечных врагов: милитаризма, империализма, сабли, рапиры и короны»...

Рядовым солдатом 231-го пехотного полка вместе со своими будущими героями — батраком Ламозом и лозовым извозчиком Шарали, мальяром Тирлуаром и шахтером Петеро, фермером длинной Бетером и развозчиком поужок Барком — Анри Барбюс прошел тяжелую школу войны. Здесь был написан «Огонь».

Вскоре после опубликования романа в июле 1919 года В. И. Ленин писал в «Правде»: «Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса: «Le feu» («В огне») и «Clarté» («Ясность»). Первый переведен уже на все языки и распространен во Франции в числе 230.000 экземпляров. Превращение совершенно незначительного, мелким подавленным идеями и прерасудками, обывателя в массовую революционную инициативу под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво».

«Огонь» — дневник тяжелой будней вояды: рытье окопов, перестрелка, атака, короткий отдых в сарае с дырчатой крышей, тошнота, снова окопы, снова атака, тяжесть промокшей шинели и солдатского ранца, гибель друзей... и день за днем растущие сомнения в необходимости того, что они делают».

Среди бесконечной равнины, изуродованной известными лентами траншей, воронками от снарядов, залитой липкой грязью, пропитанной запахом трупов и нечистот, рождается великая мысль: «Народы сдвинулись бы столкнуться через икуры и на животвах тех, которые их эксплуатировали тем или иным образом. Все эти массы должны были бы прийти к соглашению».

Прошло тридцать с лишним лет со дня опубликования «Огня», но и сегодня книга Барбюса звучит призывом: Не допускайте

новой войны! Боритесь с ней, пока она не втянула мир в свою страшную масорубку.

Не случайно, выступая в день 14-й годовщины смерти Анри Барбюса, прогрессивный французский писатель Жан Марселла, говоря об «Огне», напомнил господам из Фонтенбло, которые по разрезке американского гештаба калькулируют распределение французской пехоты на фронтах будущей войны:

«Страницы этой книги утверждают, что в нас есть сила, что французскому народу присущи тот гуманизм, тот уровень социальности, культуры и разума, который играет роль равнодушных наемников, человеческого материала в войне, которую он не одобряет... Он спит стоит задуматься тем, что делает мечту превратить француз в покориные автоматы, в роботов на службе своего империализма».

Анри Барбюс боролся против войны, против фашизма, за торжество справедливости не только как художник. Он был не-

успехом, о нашем строительстве, о наших людях и больше всего о том, в ком видел Барбюс символ нового мира, — о человеке «с головами ученых, с лицом рабочего, в одежде простого солдата».

«Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир», — так называет Анри Барбюс свою книгу о вожде народов.

Борьба за мир, борьба против фашизма, борьба за Советский Союз, — этому отдают он свои силы, свой талант художника и организатора, публициста и оратора.

В 1932 году Анри Барбюс и Ромэн Роллан выпускают воззвание о созыве первого антифашистского конгресса. «Задача конгресса», — писал Барбюс в «Литературной газете», — борьба с опасностью империалистической войны, пропавшей в данный момент в отчаянных агрессивных намерениях... против СССР».

«Это было одно из первых проявлений единого фронта рабочего класса в борьбе с империалистической войной. Анри Барбюс стал председателем Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма».

В 1935 году Анри Барбюс был в Москве на VII конгрессе Коммунистического Интернационала. Здесь в последние дни своей жизни он имел счастье видеть, как лобно растет и ширится дело, за которое он боролся двадцать лет.

До последней минуты думал он о борьбе за мир.

Это были дни, когда итальянский фашизм вторгся в Абиссинию. Барбюс понимал, что захват ее послужит доказательством безнаказанности для другого, более крупного хищника; он понимал, что позволит покорить Аргентину, — значит санкционировать развязывание новой войны. И он настойчиво напоминал о необходимости расширения антифашистского движения. Он был в то время тяжело болен. И сказал, прерывистое дыхание дробило большое слово: «Все должно, все шире это движение должно охватывать весь мир. Это единственная способ спасти вселенную».

Москва проводила Барбюса, как соратника и друга. Несколько утомленным организатором антифашистского движения. Весной 1917 года, демобилизованный по болезни, еще в шинели, жесткой от фронтового грязи и крови, вместе с тремя другими солдатами — Полем Вайн-Курье, Раймондом Лефером и Жоржем Брюлером — солдатом из Республиканской ассоциации бывших фронтовиков, Барбюс против новой войны — вот основная задача этой организации.

В 1923 году он вступает в коммунистическую партию. В ее рядах, вместе с лучшими людьми своего народа, продолжал писать борьбу, начатую на страницах «Огня».

Он мечтает увидеть Советский Союз — страну осуществленных надежд, родину революции, отчину мирового пролетариата. Эта мечта обматывает в 1927 году. Внимательным взглядом художника, выскатанным взглядом друга видит он грандиозные сдвиги, происходящие в стране за десять лет советской власти. Отныне Барбюс будет еще более горячо разоблачать всякую клевету на нашу Родину, с восторгом и радостью будет писать о наших

утомленным организатором антифашистского движения. Весной 1917 года, демобилизованный по болезни, еще в шинели, жесткой от фронтового грязи и крови, вместе с тремя другими солдатами — Полем Вайн-Курье, Раймондом Лефером и Жоржем Брюлером — солдатом из Республиканской ассоциации бывших фронтовиков, Барбюс против новой войны — вот основная задача этой организации.

В 1923 году он вступает в коммунистическую партию. В ее рядах, вместе с лучшими людьми своего народа, продолжал писать борьбу, начатую на страницах «Огня».

Он мечтает увидеть Советский Союз — страну осуществленных надежд, родину революции, отчину мирового пролетариата. Эта мечта обматывает в 1927 году. Внимательным взглядом художника, выскатанным взглядом друга видит он грандиозные сдвиги, происходящие в стране за десять лет советской власти. Отныне Барбюс будет еще более горячо разоблачать всякую клевету на нашу Родину, с восторгом и радостью будет писать о наших

дней или к его гробу трудящиеся.

Его похоронили на кладбище Пер-Лажес в Париже, у стены Коммунар. «Парод Франции любил Анри Барбюса», — сказал над его могилкой Жак Дюло, — потому что видел в нем художника своих страданий, поэта своих надежд и товарища по оружию».

С болью и гнетом смотрим мы сегодня на поля Кореи. Там идет война. Кровавые поля, жестокая, отравительная интоксикация огромной, погрузившейся на последнем слове техники империалистической державы против миролюбивого народа, отстаивающего свою свободу и независимость. Слова Барбюса о войне, страдания его картины, воспоминания им, звучат сегодня с новой разоблачительной силой. И, как всегда, предельно точно слова пронация с Барбюсом товарища Сталина:

«Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства».

Петр ДРОЗДУК, секретарь районной газеты «За большевистские колхозы»

РУССКАЯ ПРАВДА

В нашей редакции звонит телефон. То из одного, то из другого колхоза сообщают об окончании хлебаозаготовок. Машины, убранные красными полотнищами и цветами, украшенные флагами, выданы из окоп. Они прележут от сельской ушце, к складам Заготзерна. Они везут хлеб».

А в соседней комнате включен радиоприемник, и машинистка записывает мелкими прописными буквами слова тасовских телеграмм. Диктор говорит о зверствах американских империалистов в Корее, о том, как английский военный корабль обстреливал китайскую землю, о военной истерии, которую сыплет раздувать в мире поджигатели войны. Затем идут другие телеграммы, и они сообщают, как неуловимо растет в ответ могучее движение сторонников мира, как увеличивается количество подписей под Стокгольмским Воззванием, как над всем землемою мощной и мощной звучит глас протеста против тех, кому нужны и выгоды войны.

В этом протесте вновь и вновь слышатся слова, произнесенные более трех десятилетий тому назад:

«Спасите человеческую правду, спасая правду русскую! Знайте, что грядущие поколения будут судить о честиности людей нашего времени в зависимости от того, сумели ли они подняться в этот момент, чтобы прокричать: «Нет!»

Так уже в 1919 году мерил честность современников защитой единственно настоящего — «русской» — правды великий французский писатель, мужественный солдат и несгибаемый борец против войны и фашизма Анри Барбюс.

Когда он обращался с этим призывом к человечеству, он сие не видел новую Россию своими глазами. Он знал ее по речам Ленина, по первым декретам советской власти, по газетным телеграммам, рассказывающим, как восставший народ на фронтах ожесточенной гражданской войны героически и победоносно отстаивает свою свободу.

Восемь лет спустя он приехал в страну Советов.

Он стремился увидеть как можно больше и для этого ездил по стране, ходил по

заводским цехам, разговаривал с людьми. Он смотрел на рождение нового мира.

Вместе с другими неслепыми беспризорниками и воспитывался тогда в трудовой колонии им. Горького — той самой, о которой рассказывал потом наш тогдашний директор А. С. Макаренко в своей «Педагогической поэме».

Колония находилась близ станции Курж, принадлежала к Харькову.

В один из осенних дней 1927 года наша учительница литературы О. Д. Иваненко (тогда известная украинская детская прозаическая писательница) сказала нам в конце своего урока:

— К нам приезжает сегодня Анри Барбюс.

Это имя было нам уже хорошо известно. Несколько экземпляров книги «В огне», которые были в библиотеке колонии, никогда не залеживались на полках. Почти все колонисты прочитали эту книгу.

Урок машины, вехавшей во двор, послышался почти одновременно со школьным звонком. Мы побежали к машине.

Мне наведала запомнилась, как плохо сощелкался седина на висках Барбюса с удивительно ясными, молодыми глазами. Он был одет в просторные серые пальто и простое кепи.

Барбюс поздоровался с колонистами, подал руку А. С. Макаренко и огляделся, словно стараясь наведала выбрать в память все, что его здесь окружало. Вместе с ребятами и руководителями он обнял хилыство колонии, подробно расспрашивая об увиденном и делая заметки в блокноте.

Антон Семенович Макаренко запомнил его с нами и рассказывал нам восторженно, но бурные биографич. Он говорил о «спустившихся» под ваганами, о базарных криках, о драмах войны и голода, которые разрушили многие дома и семьи и вытолкнули нас на улицу.

Слушая эти рассказы, наш гость видел перед собой неслепые лица, видел в мастерских венч, сделанные нашими руками, понимал, какой широкий и прямой путь открыт перед каждым из нас, — и сам

искренняя радость светилась в его ясных и живых глазах. То, что нашло он в колонии, было частью «русской правды», которую узнал он на самой заре революции, еще не увидев ее своими глазами.

И был тогда библиотекарем колонии. Добыл один из экземпляров «В огне», и попросил автора сделать надпись на книге.

Он написал по-французски: «Друзьям-колонистам. От души желаю вам стать полноценными людьми советского общества. Верите пример с жизни и деятельности великих вождей трудящихся всего мира Ленина и Сталина, а также учиться жить и бороться у нашего шефа, прекрасного писателя и борца за светлое будущее человечества — Максима Горького».

27 сентября 1927 года. Анри Барбюс.

Гость пробыл у нас до позднего вечера. Мы вместе обедали и ужинали. Потом пришла обычная вечерняя «стелушка», на которой подводились итоги рабочего дня. Барбюс переминался все выслушавшие. Прежде, чем разойтись, мы, как обычно, поднялись с мест и спели «Интернационал». Анри Барбюс шел вместе с нами, подтягивая по-французски:

То, что увидел он в своих поездках по Советскому Союзу, глядя на него в величественном образе «Человека, через которого раскрывается новый мир». Он написал об этом книгу и назвал ее: «Сталин».

А то дело, которое начал Барбюс, организуя Амстердамский антифашистский конгресс и конгресс защиты культуры в Париже, продолжало сегодня во Вроцлаве, Париже, Праге, Стокгольме, — венду, где собирается представительный борцов за мир из всех стран.

И когда диктор говорит о победах защитников мира, он напоминает нам о живом и борющемся Барбюсе. с. Семан, Червоного района, Сумской области

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 75

3

Обзор военных действий в Корее

Военные интервенты, получившие подкрепления, за последние дни предприняли неоднократные попытки перейти в новое наступление. При сильной поддержке авиации, танков и артиллерии им временно удалось на ряде участков фронта задержать продвижение частей Народной армии.

Во время ожесточенных сражений некоторые пункты переходили из рук в руки. Противник создал оборонительные рубежи севернее Тагу, рассчитывая отбросить народные корейские войска за реку Нактонган. Однако стремление американского командования ликвидировать плацдарм Народной армии на левом берегу Нактонгана как севернее, так и южнее Тагу, не увенчалось успехом.

Части Народной армии отбили ожесточенные контратаки американских и лысмановских войск, возвратили снова ряд ранее утраченных пунктов и, как сообщается 28 августа Главное командование Народной армии, на многих участках фронта ведут стремительное наступление.

Наиболее ожесточенные бои развернулись в северном и восточном секторах фронта. Продолжая начатое 25 августа наступление в этих районах, части Народной армии, как указывает парижское радио, продвинулись вперед.

К западу от Пхохана, действуя в горном районе, части Корейской народной-демократической республики 27 августа вторично выбили интервентов из города Биджи, расположенного на коммуникациях, связывающих Пхохан с Тагу. Лондонское радио указывает, что с занятием Биджи создается угроза обхода позиций американских и лысмановских войск с фланга. Представитель американского командования в Токио, касаясь наступательных действий Народной армии на восточном и северном участках фронта, заявил: «...События доказывают, что северокорейцы сумели подтянуть в эти районы пополнения в людях и технике и способны подготовить крупное наступление».

Расширяя и укрепляя плацдарм севернее Тагу, части Народной армии отступили от противника Бйхин — важный опорный пункт на железной и шоссеиной дорогах между городами Бйсон и Йончхон.

Сильным атакам подвергаются позиции войск интервентов и юго-западные Тагу. Как передает нью-йоркское радио, части Народной армии переправились здесь на

восточный берег Нактонгана подкрепление, расширяют ранее созданный ими плацдарм.

На южном участке фронта линия американской обороны проходит в районе города Хамхан. По сообщению корреспондента агентства Юнайтед Пресс, Народная армия продвинулась здесь в район Ирен и Понгюн (севернее порта Масан), а также создала угрозу противнику на полуострове Хонгён.

Американские интервенты несут на корейском фронте все большие потери. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» пишет, что министерство обороны США хранит молчание относительно общих американских потерь в Корее. Но эти потери, подчеркивает газета, быстро возрастают. Особенно тяжелый урон, сообщает корреспондент журнала «Ньюс унк», понесла американская морская пехота в боях у Чханьена (южнее Тагу).

Как это видно из сообщения корреспондента лондонской реакционной газеты «Дейли майл», которого никак нельзя заподозрить в сочувствии корейским патриотам, командующий 5-м американским авиасоединением в Корее генерал-майор Патрик «дает невероятные сведения о действиях 5-го авиасоединения, и корреспондент, обладающий математическими способностями, сложив количество уничтоженных или поврежденных этим соединением танков, обнаружил, что оно, повидимому, бомбит призраки... Генерал Макартур, многозначительно замечает корреспондент, «понимает тенденцию несдержанных командиров. Как известно, еще во время Тихоокеанской войны победные сводки Макартура граничили с поэтической вольностью. Коммунисты, публиковавшиеся тогда Макартуром, пишут корреспондент «Дейли майл», были пошляками для союзнических войск».

Понятно, что сводкам командования интервентов мало кто верит.

ВОЗМУЩЕНИЕ МИЛЛИОНОВ

Наглая и зверская агрессия США против корейского народа, бесчеловечные пытки, которым подвергают американские эсэсовцы корейских патриотов, вызвали мощное движение протеста всех стран мира. «Прекратите это чудовищное преступление!» — требуют рабочие Детройта, докеры Ливерпуля, ученые Франции, крестьяне Китая.

Италия. Женщины Марцоботто, одной из деревень провинции Болонья, население которой было почти полностью уничтожено немецкими захватчиками в 1944 году, обратились к американским женщинам с призывом потребовать от правительства США прекращения зверств и убийств в Корее. «То, что происходит сейчас в Корее, напоминает нам злоешие события, вызвавшие смерть безоружных жителей Марцоботто. Вновь у нас перед глазами встали зверские лица убийц, целавшихся в женщин и детей».

Женщины Америки, матери и жены, вместе с нами вы должны сказать «нет» войне для того, чтобы больше не повторились Марцоботто, Лидице, Дахау и Хирсима».

Чехословакия. «Мы клеимым варварское уничтожение цветущих корейских городов и культурных центров. Мы требуем немедленного прекращения американской интервенции в Корее», — заявляют деятели науки и культуры Чехословакии.

Германия. Комитет Национального фронта Берлина и Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме, в своих телеграммах генеральному секретарю ООН Тротье Ли призывают к немедленному прекращению бессмысленных бомбардировок, жертвами которых становятся неповинные дети, женщины и старики».

Китай. «Юсти Гитлера и Геринга уже истлея, но их дух перевоплощается. Американские империалисты овладели искусством фашистских убийц», — пишет шанхайская газета «Дагунбо». — Все люди, обладающие чувством человечности, должны подняться и положить конец зверским бомбардировкам, превращающим города и села Кореи в «районы смерти».

Англия. Два члена парламента — лейбористы Хьюз и Дж. Хадсон заявили в палате общин протест против террористических налетов американской авиации на гражданское население Кореи.

Болгария. «Массовое уничтожение тысяч женщин, стариков и детей, предпринятое американским правительством в Корее, — пишут в своей телеграмме члены Национального совета Отечественного фронта Болгарии, — превозмола гитлеровский бангитизм в Европе. Демократическое человечество не может более терпеть гангстерских действий американских агрессоров».

Австрия. Союз демократических женщин в своем протесте, переданном американскому посланнику в Австрию, пишет: «Мы с ужасом и возмущением узнали о том, что американские бомбардировщики уничтожают и предают огню целые города в Корее. Мы требуем скорейшего восстановления мира и прекращения кровопролития».

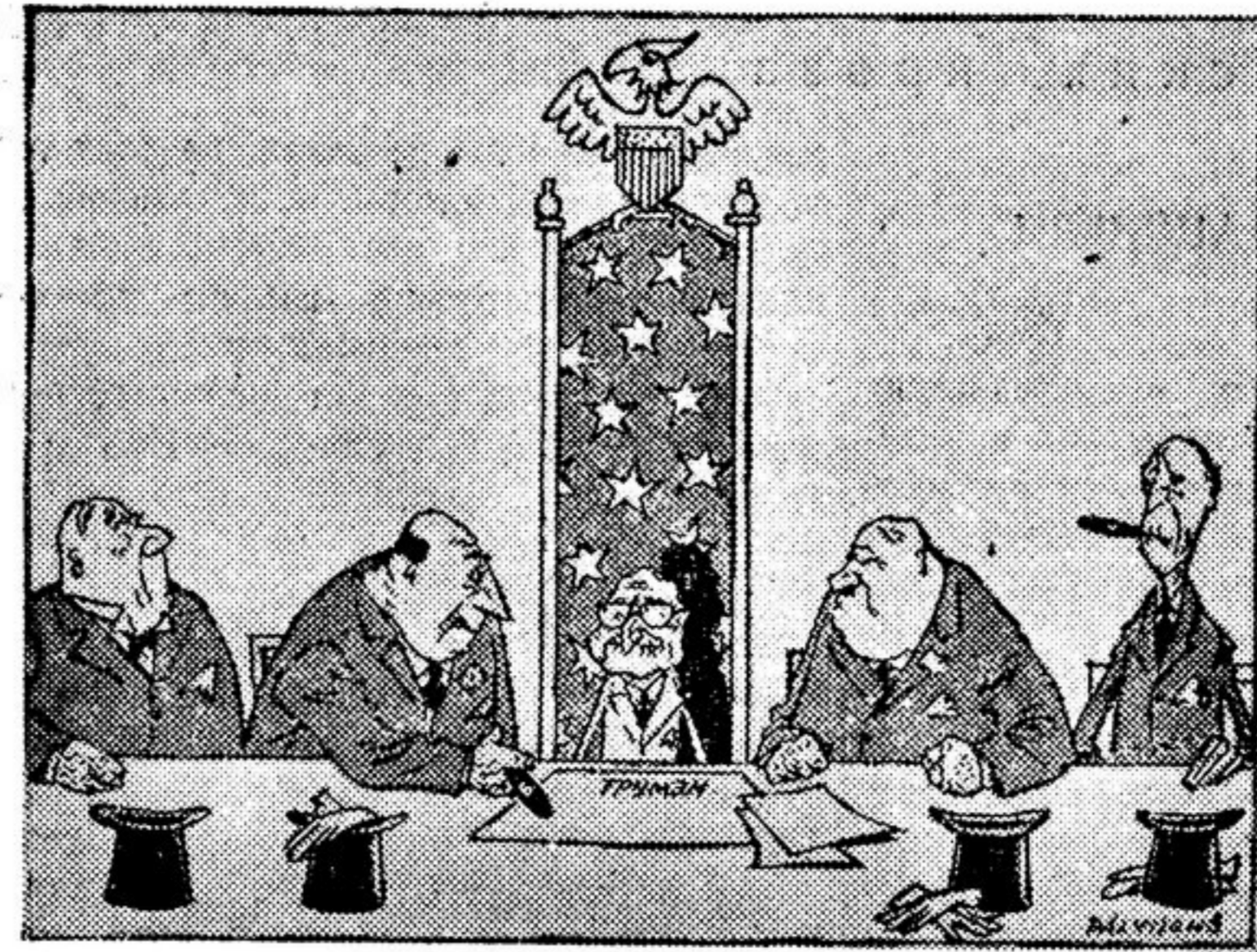

Рисунок из венгерского журнала «Лоджид мать».

Они ссорятся из-за того, что не могут решить, какая очередная страна должна быть «напасть» на нас... (Рисунок худ. Вердини из итальянского журнала «Виз нуово».)

Проф. А. ЕРУСАЛИМСКИЙ «Гавайские» приемы американских интервентов

Ничто в истории не может сравниться с теми ухищрениями и извращениями, при помощи которых американские империалисты и их сателлиты пытаются ныне, употребляя слова А. Я. Вышинского, «оставить право на службу бесправно». Однако неверно было бы утверждать, что подобные ухищрения применяются Соединенными Штатами впервые. Они имеют уже сложившиеся традиции.

Традиции эти начали складываться еще во времена вооруженной борьбы американских колонизаторов против индейских племен — борьбы, которая, по сути дела, была истреблением безоружных людей. В конце XIX века США открыто встали на путь империалистических захватов.

Мечтая о финансовом закабалении всего мира, преемствен американской ассоциацией банкиров завладев в 1898 году: «Мы долгое время были жатницей мира, теперь мы претендуем на знание его мастерской, а в дальнейшем желаем быть его расчетной палатой». Тогда же сенатор Берверидж, ссылаясь на самого господина бога, утверждал, что англо-саксонская раса, в особенности американцы, призваны не только «руководить дикими и беспомощными народами», но и «привести к возрождению мира». Тогдашний властитель дум Уолл-стрит, адмирал Механ, обрисовывал империалистические пути американского империализма. Будучи сторонником союза англо-саксонских стран, он писал: «Союз в какой бы то ни было форме рассчитан на войну... Англия и США в случае войны будут владеть ситуацией. С моей точки зрения, логическим следствием такого соглашения будет превосходство».

Устанавливая под эмпиой доктрины Моно экономической, политической, а также и военного господства над странами Центральной и Южной Америки, Соединенные Штаты уже давно зарылись на Дальний Восток. Еще в середине XIX века коммодор Перри, взломавший двери в отгороженную от мира Японию, требовал захвата Формозы. Спустя 30 лет коммодор Шуфельдт, после того как ему удалось проникнуть в Корею, начал проповедовать идею установления господства США в Китае. Однако первый прыжок хищника был совершен на Гавайских островах, захват которых послужил не столько пробой сил в военном отношении, сколько испытанием методов американского империализма.

А методы были таковы. Формально признавая независимость Гавайских островов, правительство США, при помощи своих агентов в верхушечных слоях островного населения, спровоцировало там восстание. В это время у гавайских берегов «случайно» оказался военный корабль, и отряд морской пехоты тут же высадился на «помощь повстанцам». Находясь под прикрытием американских пушек, «повстанцы» заявили, что ими сформировано «временное правительство». Не прошло и часа, как это марionеточное «правительство», во главе с американцем, было признано США.

Инцидентировка восстания и создание трупного правительства явились первым шагом на пути к полной аннексии Гавайских островов. Еще раньше государственный секретарь Блэн заявил, что Гавайи «не могут входить в азиатское систему, а должны составлять часть американской системы». Тогда окончательно захвату Гавайских островов пошелмо демократическое движение в США, выступавшее против империалистических устремлений правительства и финансовых магнатов, стоявших за его спиной. Но спустя пять лет после инцидентировки восстания, в 1898 году, в обстановке империалистического ажиотажа и движения протеста было затлуплено возникшим повстанцам, конгресс США оформил захват островов.

В дальнейшем «гавайские» приемы стали применяться на более обширных театрах мировой политики — всюду, где американские банки, тресты и железнодорожные компании считали себя заинтересованными. Так, 50 миллионов долларов, вложенных американскими монополиями в хозяйство Кубы, оказались достаточным основанием для широкой кампании за «освобождение» этого острова от испанского владычества.

Вся желтая пресса, вдохновленная субсидиями Уолл-стрит, источала потоки слез по поводу тяжелой судьбы востаншего кубинского населения, подавляемого с крайней жестокостью испанским генералом Вейдером. Но то были крокодиловы слезы. На самом деле американские банкиры, плантаторы и политики стремились использовать восстание на Кубе для ликвидации там испанского господства и установления своего собственного. И когда обстановка для этого показалась подходящей, на Кубу был послан военный корабль «Мэн», благополучным образом взорвавшийся при самых таинственных

обстоятельствах. Взрыв оказался удивительно своевременным. Развернув в стране широкую пропаганду о необходимости установить на Кубе мир и порядок, правительство США объявило Испании войну. То была, как отметил В. И. Ленин, первая война эпохи империализма.

В самом начале этой войны стало ясно, что цели американского империализма отнюдь не ограничены территорией Кубы. Объявив блокаду Кубы, правительство США одновременно направило эскадру под командованием адмирала Дьюи к Филиппинским островам, которые уже тогда рассматривались, как важнейший плацдарм в борьбе за господство на Тихом океане и за господство в Китае.

На Филиппинах американский империализм прибегнул также к «гавайским» методам. Президент США Мак-Кинли решил, что конечная цель — захват острова — может быть быстро достигнута, если воспользоваться национально-освободительным движением филиппинского народа против испанского владычества. Это движение и было главной силой, покончившей с испанским гарнизоном. Громкие победы вооруженных сил США, о которых хвастливо возвела американская пресса, имели весьма небольшую цену, если учесть, что устаревшие испанские корабли, стоявшие в Маниле, даже не сумели пригрозить в бою и были уничтожены без всякого сопротивления, а испанская армия, составленная из наемного сброда, была еще менее бососпособна, чем отряды американских волонтеров, обучавшиеся ружейным приемам при помощи простей и зонтов.

Сначала Мак-Кинли «делал ставку» на одного из лидеров филиппинского движения Агинальдо. Входящий для американцев момент Агинальдо был доставлен на Филиппинский берег. По признанию самого Дьюи, ему «никогда даже не снилось», что США собираются предоставить Филиппинам независимость: «Я просто использовал Агинальдо и туземцев», — говорил он, — для помощи в моих операциях против Испании». И когда эти «операции» закончились, когда американский империализм, руками филиппинцев, одержал победу над Испанией, он приступил к удушению филиппинской республики.

Опираясь на наиболее реакционные элементы, на купленных агентов, типа современных лысмановцев в Корее, правительство США начало войну против национально-освободительного движения филиппинского народа и, в конце концов, потопило его в крови.

Для оправдания захвата Филиппин, тем более, что территориальные приобретения в Восточной Азии шли явно наперекор старой доктрине Моно, апологеты американского империализма призывали на помощь святую католическую церковь. Они распустили дрянную буллу папы Александра VI и стали утверждать, что Филиппинские острова находятся в... Западном полушарии и потому могут быть проглочены Соединенными Штатами Америка во имя доктрины Моно. Впрочем, чувствуя всю шаткость своей позиции, американская дипломатия искала и другие «аргументы».

«Американская нация», — уверал, например, посол США в Берлине Уайт, — еще молода и потому в некоторых отношениях подобна ребенку, и, как ребенок, она будет тягаться к блоку, особенно, если она ему запрещена».

Ребенок оказался чрезвычайно прожорливым. Оставив за собой Кубу, проглотил Филиппины, а также и Порто-Рико, молодой американский хищник стараясь распространить «гавайские» методы и на другие страны. Новый президент Теодор Рузвельт уверял, что он «самым серьезным образом желает искренней и сердечной дружбы со всеми странами». Как это выглядело на деле, можно было убедиться на примере Колумбии. Когда последняя не выразила восторга по поводу американских планов отторжения ее территории в целях сооружения канала, соединяющего Тихий океан с Атлантическим, в зоне, прилегающей к контролируемой линии канала, вспыхнуло «движение» за независимость. При помощи американских моряков была провозглашена Панамская республика, получившая «независимость» ничуть не большую, чем нынешние лысмановские марionетки в Южной Корее. Вслед за этим США забрали у новосозданной республики широкую полосу земли для прорытия канала. В разных вариантах и в разное время «гавайские» методы были применены и в Никарагуа, и в других странах.

Не ограничиваясь финансовой и политической поддержкой реакционной клики Чан Кай-ши, американский империализм встал на путь прямой военной интервенции в Китае, надеясь задуть небылалый подъем национально-освободительного движения китайского народа. Известно, что эта политика потерпела позорное крушение.

Но, закувыс узда, американские агрессоры, как сообщает иностранная печать, уже готовят новый акт произвола в духе старых «гавайских» методов. В Токио срочно изготавливаются карты, которые должны доказать неодолимое и обоснованное историческое бессмыслицу, а именно: будто Формоза исторически принадлежит не Китаю, а... японской вотчине Макартура.

Методы американской дипломатии свидетельствуют о том, что современные американские агрессоры, развязав войну в Корее, заинтересованы в дальнейшем разрушении основ международного права. Американские империалисты заинтересованы в том, чтобы создать анархию в международных отношениях, анархию, вполне устраивающую гангстеров, стремящихся подорвать мир. Нельзя, однако, забывать, что борьба за мир стала делом миллионов простых людей, обеспечивающих своими активными выступлениями против нарушителей международного права и организаторов международного разбоя победу демократического порядка в международных отношениях.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛЛА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

Пьер КУРТАД Вокруг плана Шумана

На заседании так называемой Европейской консультативной ассамблеи в Страсбурге 26 августа вновь был вынесен на свет «план Шумана» — американский вариант картлирования французской и германской тяжелой промышленности. Коллегия посвященных ему рекомендаций монополизировала еще одним экземпляром. Однако ни новая резолюция, ни ее обсуждение не изменили того, что выявлено с самого начала обсуждения плана Шумана: никогда, еще со времени окончания второй мировой войны англо-франко-американские империалистические противоречия не проявлялись с такой силой.

Империалисты согласны в отношении целей этого плана: подготовка военного арсенала для будущей войны. Но они не способны прийти к какому бы то ни было соглашению, когда речь зашла о необходимых жертвах. Каждый хочет принести жертвы за счет другого.

Империалисты прибегают ко всякого рода уловкам, чтобы замаскировать свои неприкрытые противоречия. Нет ничего удивительного в том, что в искусстве камуфляжа, усилия правых социал-демократов котировались особенно высоко. Правая социал-демократия ревностно выполняет свою роль. Она должна искажать истину и поставлять «идеологические» оправдания для самых отвратительных разбойничьих предприятий. Однако противоречия среди империалистов нашли свое отражение в разногласиях между различными социалистическими партиями, находящимися на службе монополий.

Лидеры французских социалистов полностью поочинены Вашингтону, как, впрочем, и сама французская буржуазия. Они вступили в конфликт с английскими лейбористами, отражающими точку зрения капитализма, более сильного, чем французский, не отказавшиеся еще полностью от борьбы за гегемонию в Европе.

Разорванные между этими двумя притягательными центрами, французские социалисты выглядят очень плачевно. Как говорится в одной французской поговорке, «сердце и карман лежат в разных местах». Сердце зовет их в Лондон, однако доллары находятся в Вашингтоне. Еще более смехотворный вид имеет итальянская правая социал-демократия, расколовшаяся на две фракции: одна — проанглийская, другая — проамериканская. «КОМИСКО» (Комитет международных социалистических конференций) напрасно старался их примирить. Такая же картина наблюдается и в Западной Германии, где Шумхер плещется за Лондон, агентом которого он является, несмотря на то, что практически лидер германских социал-демократов во всем согласен с марionеточным премьером Аденауром.

В этой драке слуги угодили копируют повадки хозяев. Особое положение вояк маршаллизованной Франции еще более зазвуждает французскую буржуазия и, по известному выражению Леона Блюма, ее «естественных управляющих» из лагеря социал-демократов.

Значительная часть промышленной буржуазии не без опасения рассматривает перспективу «слияния», которые поставила бы ее в положение неприкрытого поучинения герано-американским капиталистам. Финансовый капитал надеется, что так или иначе он выйдет сухим из воды благодаря своему явно космополитическому характеру. В то же время промышленники Северной и Центральной Франции с опаской думают о плане Шумана. По самым умеренным расчетам он приведет к закрытию 156 из 180 предприятий французской черной металлургии.

Эта озабоченность побуждает промышленные кадры к сопротивлению. Директора заводов, инженеры и другие угрожают увольнение с работы либо просто-напросто замена их немцами. И это сопротивление уже приняло довольно широкий размах.

Более того, Жан Монне, сторонник американцев, предусмотрел в рамках плана Шумана местные «исправления» границы. Они могут привести к тому, что, например, франко-германская граница в Лотарингия будет изменена в пользу бониской Германии... Теперь стало известно, что заинтересованные предпринимательские круги не знали подробностей плана Шумана, инициатором которого явился относительно узкий круг самых крупных капиталистов и спекулянтов.

В мае этого года орган французской буржуазии «Монд» уже высказывал свое недовольство по этому поводу: «Правительство», — писала газета, — не проконсультировалось с предпринимателями и не установило с ними никакого контакта. Как видно, прежде чем высказываться открыто по этим предложениям, их хотят изучить. Тем не менее наблюдается некоторая озабоченность перед новым проявлением международного дирижизма».

Надо полагать, что газета «Монд» под «международным дирижизмом» подразумевает американский диктат. Этому диктату французская буржуазия непротив, конечно, подчиниться в политических и военных вопросах, но в известных случаях она возражает против него, — это происходит, когда диктат угрожает ее особым интересам. Поэтому возникает конфликт между антикоммунизмом, злым анти-советизмом, с одной стороны, и стремлением обогатиться на гониме вооружений — с другой. Председатель компании «Сталелитейные предприятия Лонгви» выразил на заседании правления свою озабоченность в следующих словах: «Этот план является шуткой, и если господин Шуман хочет выступать в роли Дон Кихота, он сломает себе на этом шею».

Таким образом, явные империалистические противоречия отражаются и внутри страны. Французская буржуазия отходит себе отчет в том, что не может бороться равным оружием против германской кокуренции. И только крупный монополистический капитал открыто принимает план Шумана, ибо он ждет от него укрепления своей власти над всей французской

промышленностью в рамках типичной колониальной экономики.

Крупный французский капитал уже не может обеспечить модернизацию устаревшей техники. Поэтому он надеется на вызов рабочей силы и капиталов. Он хочет, таким образом, «убить сразу двух зайцев»: поставить французских рабочих в условия бониского режима, в условия режима пентонских лагерей, обязательной трудовой повинности и одновременно ускорить ликвидацию мелких и средних промышленников.

Сравнение, которое напрашивается между этой «операцией» и аналогичными попытками Петена во временном правительстве Вейш, прямо поразительно. Перед нами лежит отчет об одном совещании, состоявшемся в Вейше в 1941 году, в котором участвовали французские и немецкие промышленники-металлурги. И тогда дело шло о «создании европейской экономики».

План Шумана лишь повторяет «принципы» Петена, но, как и политика Вейш, он обречен на провал. Противоречия между Великобританией и Европейским континентом, между различными странами континента и Германией, между маршаллизованной Европой и США являются фактом, и мы не должны недооценивать его последствия.

Однако сами по себе эти противоречия недостаточны для провала плана Шумана. Этого можно добиться только в том случае, если крупный капитал натолкнется на единое и решительное сопротивление рабочего класса. Очень важно, что сопротивление трудящихся принимает международный характер, в частности, после совместного обращения германских и французских профсоюзов.

Борьба против плана Шумана неотделима от могучего всенародного движения сторонников мира. Эта борьба ведется в защиту национального суверенитета против посылателей крупного французского капитала, который хотел бы зарподать богатства Франции Соединенным Штатам.

Космополитизму трестов рабочий класс противопоставляет пролетарский интернационализм. В этой борьбе рабочий класс сражается вместе с французскими крестьянами. План Шумана угрожает деревне падением пен на сельскохозяйственные продукты, которые должны будут приспособиться к более низким германским промышленным ценам и испытывать на себе все последствия безудержного демпинга США, переживающих кризис перепроизводства.

Все это дает возможность предвосхитить исход завязавшейся борьбы. Поэтому национальные федерации рабочих угольной и металлургической промышленности, входящие во Всеобщую конфедерацию труда, в заявлениях, выпущенном вскоре после того, как стал известен план Шумана, предупреждали его авторов: «Объединенные рабочие вместе со всем народом сорвут ваш план войны, нищеты и репрессий».

ПАРИЖ